

рое давало бы возможность снарядиться, какъ это было необходимо, въ путь и достигнуть мѣста назначенія въ тѣ войсковыя части, куда кто былъ принятъ. „Для снабженія таковыхъ, усердныхъ къ Государю и Отечеству, писалъ Курскому Губернатору Арк. Ив. Нелидову Архієпископъ Теокистъ, собираются пожертвованія изъ монастырскихъ и церковныхъ кошельковыхъ денегъ и отъ dobroхотныхъ духовныхъ дателей“.

Изъ бывшихъ у насъ подъ руками архивныхъ дѣлъ Курской духовной консисторіи и Курскаго духовнаго правленія, видно, что оказалось немало священно-церковнослужительскихъ дѣтей, которыя добровольно поступили и притомъ немедленно въ военную службу. Мой дѣдъ, священникъ о. А. Н. Танковъ рассказывалъ, какъ онъ, будучи лѣтомъ въ Курскѣ, лично видѣлъ, что всѣ духовные волонтеры, пожелавшіе пожертвовать за Отечество своею жизнью, были собраны въ одинъ изъ дней августа мѣсяца на Знаменской площади, гдѣ архимандритъ Знаменскаго монастыря совершилъ напутственный молебенъ, а генералъ князь Прозоровскій, въ присутствіи Курскаго губернатора произвелъ имъ смотръ. Нѣкоторые изъ этихъ волонтеровъ зачислены были въ ополченіе, другіе въ Лубенскій гусарскій полкъ, третьи въ пѣхотныя войска. Для записанныхъ въ кавалерійскій полкъ отъ духовнаго вѣдомства Курской епархіи были даны средства не только для снаряженія, но и для пріобрѣтенія коней. Несомнѣнно, что рѣшеніе этихъ добровольцевъ вызвано было сильнымъ патріотическимъ одушевленіемъ. Не надо забывать о томъ, что добровольцы изъ дѣтей духовенства шли въ войска не служить только, въ мирное время, но грудью стать противъ непріятеля и вынести всю тяготу военныхъ походовъ, кровавыхъ битвъ и тяжкихъ трудовъ. Мы, конечно, не можемъ подвести итоговъ, но не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что многіе изъ духовныхъ добровольцевъ либо честно пали въ бояхъ, либо погибли отъ болѣзней, свирѣпствовавшихъ въ то время на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Кромѣ священно-церковнослужительскихъ дѣтей, на войну отправились нѣкоторые изъ чиновниковъ консисторіи и духовныхъ правленій,—также изъ духовнаго сословія. Сообразно съ этимъ и служившіе въ свѣтскихъ присутственных мѣстахъ и разныхъ учрежденіяхъ дали значительный контингентъ добровольцевъ въ ополченіе 1812 г. Нѣкоторые присутственные мѣста, отпуская своихъ чиновниковъ, сожалѣли о томъ, что съ уходомъ ихъ являлся недостатокъ въ отправленіи канцелярскаго производства, но, какъ сказано было въ представленіи губернатору изъ этихъ мѣстъ „на-

чальники оныхъ по настоящей надобности для сокрушенія враговъ, не могли и отклонить такихъ чиновниковъ отъ предпринятаго желанія, а въ обязанность себѣ поставили поддержать еще ихъ въ таковомъ усердіи къ отечеству“. Губернаторъ Арк. Ив. Нелидовъ нашелъ это мнѣніе правильнымъ. „Пожертвованіе приказныхъ служителей лично собою, писалъ онъ, *пріемлю въ полной мѣрѣ любви*“. Подобнымъ образомъ, когда Рыльское духовное правленіе довело до свѣдѣнія Преосвященнаго Теокиста о томъ, что оно лишилось почти всѣхъ канцеляристовъ, избравшихъ военное поприще, то онъ не нашелъ удобнымъ удерживать кого-либо изъ нихъ.

Другія сословія также проявляли патріотическое свое усердіе, въ особенности Курское дворянство. Лишь только былъ возвѣщенъ выше упомянутый нами Манифестъ Государя Императора, какъ одинъ изъ Курскихъ дворянъ Тютчевъ поспѣшилъ прислать губернатору слѣдующее интересное письмо.

„Находясь въ городѣ Ромнахъ Полтавской губерніи на ярмаркѣ, читалъ я Высочайшій Манифестъ 6-го іюля изъ-подъ Полоцка о призывѣ соотчичей къ ополченію противъ лютаго непріятеля. Бывши всегда истиннымъ россияниномъ, любя отечество больше своей жизни, обожая моего Государя, *съ утѣшеніемъ несу мою жизнь къ Нему на жертву*. Состояніе мое заключается съ небольшимъ въ пятистахъ душахъ. Я поведу съ собой на свой счетъ 50 лучшихъ дворовыхъ людей моихъ, чтобы положить головы свои за родное Отечество свое. Я остаюсь въ Ромнахъ только на одинъ день для закупки оружія и нужныхъ потребностей для обмундированія людей. По пріѣздѣ же моемъ въ деревню—не далѣе недѣли—всѣ люди будутъ обмундированы и вооружены! И я самъ готовъ съ ними выступить по первому предписанію Правительства, куда прикажутъ“.

Патріотическое возбужденіе въ дворянствѣ вскорѣ выразилось большими пожертвованіями вещественными, именно разнаго рода хлѣбомъ и другими припасами, поставкой въ ополченіе крѣпостныхъ людей, денежными взносами, выраженіемъ желанія поступить въ войска и ополченіе и самимъ помѣщикамъ сражаться противъ многочисленныхъ непріятелей. Но при этомъ не надо упускать изъ виду, что Курское духовенство, по благословенію Святѣйшаго Синода, исполняя волю Высшаго Правительства, принимало всѣ мѣры, какія только могли быть въ его распоряженіи и употребляло все свое вліяніе на то, чтобы не ослабѣвалъ духъ мѣстнаго дворянства и купечества къ патріотической дѣятельности, столь необходимой въ 1812 году.